

— Больно?

Едва стянув с Сяо Ханя грязную рубаху, Лю Мухань болезненно прищурился. Ему было и невыносимо смотреть на это, и горько от бессильной ярости к тем жестоким людям, что сотворили подобное с ребёнком.

Ещё днём, заметив на лохмотьях мальчика пятна крови, Мухань понял, что тот избит. Но он и представить не мог, сколько увечий скрывалось под порванной тканью. Многие раны едва затянулись тонкой корочкой — судя по всему, их нанесли совсем недавно.

Вся спина и грудь Сяо Ханя были покрыты жуткими отметинами. Старые шрамы перекрещивались со свежими ссадинами, но страшнее всего выглядел глубокий, уродливый рубец. Он тянулся наискось через всё тело — от левого плеча до правого бедра. Даже теперь шрам оставался багровым и плотным; страшно было представить, насколько опасной была эта рана в тот роковой день.

Сяо Хань робко перехватил ладонь Муханя, в его голосе прозвучал испуг:

— Братец...

— Всё хорошо, — поспешил успокоить его Мухань, понизив голос до мягкого шёпота. — Всё уже позади. Прости меня, глупого, не стоило расспрашивать.

— Братец, — Сяо Хань доверчиво прижался лбом к его груди, — мне не больно. Правда. Братец... они очень уродливые, да? Не смотри больше на них, пожалуйста. Они страшные.

Мухань замер. До него наконец дошло: мальчик паниковал вовсе не из-за пережитой когда-то боли. Он просто боялся, что названный брат сочтёт эти шрамы уродливыми и прогонит его. Сяо Хань привык, что из-за необычных красных глаз все вокруг считали его проклятым отродьем и брезгливо отворачивались.

— Что за глупости ты говоришь! — притворно рассердился Мухань, стараясь говорить твёрдо. — Разве можно судить о ранах по их красоте? Никогда не смей так думать о себе. Не бойся ничего, я тебя ни за что не брошу.

— Но они правда уродливые... Все так говорили, — тихонько пролепетал Сяо Хань. — Братец, давай я дальше буду мыться сам?

Он наивно полагал, что если станет купаться в одиночку, Муханю больше не придётся смотреть на эти страшные следы.

— Вовсе они не уродливые! — горяче возразил Мухань.

Внезапно ему в голову пришла мысль. Быстро стянув с себя рубаху, он взял ладонь мальчика и прижал её к собственной груди.

— Пощупай-ка сюда. Видишь? У меня тоже полным-полно шрамов. По твоей логике, я тоже урод? Скажи, Сяо Хань, ты из-за этого станешь меня презирать?

Шрамы на теле Муханя имели разное происхождение. Большую часть он заработал в годы жизни в Ордене Свободного скитания, другие остались после тяжелых дней в Малом загородном поместье или во время изнурительных тренировок со Станным стариком на вершине заснеженной горы. Те травмы, что он получил в поместье и на вершине, не были следами побоев. Это были следы сурового труда: к примеру, его плечи покрывали полосы от постоянного перетаскивания тяжестей вверх и вниз по крутым тропам — кожа стиралась в кровь раз за разом. Да и грубые мозоли на ладонях тоже можно было считать своего рода боевыми шрамами.

Зато отметины на груди целиком принадлежали его тёмному прошлому в Ордене Свободного скитания. За долгие годы многие из них побелели и почти сравнялись с кожей, так что на первый взгляд их трудно было заметить, однако чуткие пальцы слепого мальчика сразу их распознали.

Едва коснувшись груди Муханя, Сяо Хань ощутил под пальцами неровные полосы. Одни были едва ощутимыми, другие — глубокими и жесткими. Было ясно, что эти раны наносились в разное время, одна за другой.

Глаза Сяо Ханя широко распахнулись, явив миру алые, как свежая кровь, радужки:

— Кто это сделал с тобой, братец? Кто посмел поднять на тебя руку?!

Такой цвет глаз пугал суеверных людей, вызывая прямые ассоциации с резнёй и демонами, из-за чего мальчика повсюду клеймили чудовищем. Сейчас его взгляд оставался незрячим и блуждающим, однако в этих алых глубинах полыхнула такая ярость, что её невозможно было не заметить.

— Всё это дела давно минувших дней, — ласково перехватил его запястье Мухань. — Со временем я обязательно тебе всё расскажу. Но сейчас ответь мне: ты ведь нащупал мои шрамы. Скажи, разве они делают меня уродливым в твоих глазах?

Внимание мальчика мгновенно переключилось, и он замотал головой с такой силой, что едва не упал:

— Нет! Конечно нет! Братец самый лучший, его шрамы совсем не уродливые!

— Вот видишь. И я считаю, что твои шрамы ничуть тебя не портят, — Мухань нежно прижал

его к себе. — Давай сначала искупаемся, ладно? А то вода в лохани совсем остынет.

С этими словами Мухань принялся стягивать с него штаны. Но когда дело дошло до исподнего белья, Сяо Хань намертво вцепился в завязки пальцами.

Мухань не сдержался и весело рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Ладно-ладно, не буду трогать твои порты. Надо же, какой ты у меня стеснительный, оказывается!

Бережно приподняв мальчика, Мухань опустил руку в лохань, проверяя, не горячо ли, и лишь затем усадил его в тёплую воду.

Большинство увечий на теле Сяо Ханя уже затянулись, но на свежих ссадинах едва схватились корочки, а вокруг них темнели запекшиеся потеки крови. Взяв мягкое чистое полотенце, Мухань принялся бережно смывать грязь и кровь, стараясь не причинить мальчику боли. Места, где кожа только-только начала срастаться, он обходил десятой дорогой, боясь ненароком сорвать струпья.

Закончив с купанием, Мухань тщательно выжал полотенце, досуха обтер названного брата и перенёс его на кровать. Достав из своего дорожного узелка чистую сменную одежду, он помог Сяо Ханю облачиться в просторные, явно великоватые ему вещи, после чего заботливо укутал его в пуховое одеяло.

Выйдя во двор, чтобы вылить грязную воду, Мухань с удивлением обнаружил у порога два полных ведра. Вода в них была приятно-тёплой — видать, стояли они тут уже какое-то время.

Мухань тихо улыбнулся и крикнул в открытую дверь:

— Сяо Хань, гляди-ка! Дядьки с кухни притащили нам ещё тёплой воды. Мир не без добрых людей!

Мальчик, глубже зарываясь в одеяло, глухо, но убеждённо отозвался из комнаты:

— И братец тоже самый добрый.

Облачённый в чужую просторную одежду, Сяо Хань вдыхал тонкий аромат мыльного корня — точно такой же исходил от самого Муханя. Спрятав лицо в длинный, свисающий рукав, он свернулся калачиком. В этот миг его израненное сердце впервые за долгие годы ощутило покой. Он будто заново родился.

Тем временем Мухань выплеснул мыльные помои, сполоснул бадью и затащил её обратно в

тепло. Большая часть принесённой слугами воды ушла в деревянную лохань, а остатки он слил в небольшой умывальник. Сначала он тщательно умылся сам и помог освежить лицо Сяо Ханю, после чего добавил чистую тёплую воду в лохань и с удовольствием погрузился в неё. К счастью, лохань оказалась достаточно просторной, чтобы взрослый парень мог устроиться в ней с относительным комфортом.

Поскольку Сяо Хань всё равно ничего не видел, Мухань не стал уходить в тень или как-то скрываться. Он не спеша вымылся с головы до ног, наслаждаясь долгожданным теплом. Закончив, он вынес грязную воду наружу, набрал из колодца ведро свежей студеной воды, чтобы начисто вымыть бадью, а остатки слил в умывальник. Лишь после этого он отправился возвращать инвентарь на кухню.

Тёплую воду и впрямь прислали повара. Стоило Муханю показаться на пороге кухни с пустыми вёдрами, как старший повар снова принялся благодарить его за сухие дрова. Напоследок он настойчиво всучил парню свёрток с едой, оставшейся нетронутой после богатых постояльцев. Посуды не дали — просто завернули угощение в широкие сочные листья.

— Бери, парень, всё свежее, муха не сидела! Разве что навалено в кучу, уж не обессудь, коли брезгуешь.

Мухань, разумеется, брезговать и не думал. Он рассыпался в благодарностях, перекинулся с кухонными мужиками парой дружеских слов и лишь спустя четверть часа сумел вежливо распрощаться. Обратный путь до дровяного сарая он проделал с довольной, сытой улыбкой на лице.

Едва переступив порог их временного пристанища, он поспешил поделиться радостью:

— Сяо Хань, ты бы видел, какие там славные люди работают! Столько еды надавали! Я ведь слышал, что в здешних трактирах стряпня отменная, но и стоит как крыло самолёта. Нам такое и не снилось. Я-то сыт по горло, а ты как? Хочешь перекусить?

Мальчик покрепче прижал к себе длинный рукав его рубахи:

— Нет, братец, я тоже наелся.

— Вот и ладно, тогда побережем на завтра, — отозвался Мухань, незаметно отправляя свёрток прямиком в своё Пространственное хранилище.

Устроив запасы понадежнее, он придвинул табурет к ветхому столику у кровати. Покопавшись в Пространственном хранилищенном хранилище, Мухань извлёк припасённые лоскуты ткани, которые в своё время пожалел выбросить. Выбрав кусок покрупнее, он прикинул размер на глаз и аккуратно чикнул ножницами. Достав следом иголку с нитками, он усердно принялся за шитьё, стежок за стежком соединяя края.

Сяо Хань тихо лежал под одеялом. В темноте до него доносился лишь тихий шорох натягиваемой нити и негромкое пощелкивание ножниц. Он не знал, чем занят его названный брат, и не расспрашивал — просто вслушивался в эти мирные звуки. В его израненной душе царило редкое умиротворение: пока Мухань рядом, ему больше ничего не нужно от этого жестокого мира.

Спустя какое-то время Сяо Хань осторожно выпростал из-под одеяла руку и ухватился за край рубахи Муханя. С каждым движением шьющего брата ткань едва заметно подергивалась, и от этого простого ощущения на губах мальчика наконец расцвела слабая, но искренняя улыбка.

Вскоре Мухань затянул последний узел, зубами перекусил нитку и резко повернулся к кровати, забыв, что кто-то держит его за полу. Парень он был сильный и порывистый, отчего резкий рывок натянул ткань. Сяо Хань, крепко державшийся за край одежды, не удержался и сполз по подушке на добрую половину локтя.

Мальчик даже сообразить ничего не успел, как Мухань, поняв, в чём дело, со смехом подхватил его и устроил поудобнее. Затем он вложил в его ладошку тёплый, только что сшитый лоскут:

— Держи-ка. Это тебе исподнее. Верхняя одежда ладно, поносишь пока мою, но к телу нужно надевать своё. Ткань, конечно, так себе, жестковата, но завтра мы обязательно сходим в лавку и выберем шёлк получше.

Сжимая в руках обновку, Сяо Хань неверяще замер, после чего повернул к брату сияющее лицо:

— Братец... ты всё это время шил для меня порты?

— А для кого же ещё? — Мухань шутливо ущипнул его за покрасневшую щеку. — Раз уж ты у меня такой скромник, помогать не стану. Натягивай сам, проверим, угадал ли я с размером.

— Всё, что делает братец, мне впору! — радостно выпалил мальчик.

Шмыгнув под одеяло, он спешно стянул длинные штаны и натянул обновку. Ненужные теперь верхние порты он неловко выпихнул ногами наружу, но тут же смутился собственного озорства и попытался осторожно затащить их пальцами ног обратно под одеяло.

Мухань усмехнулся и перехватил сиротливо свисающие штанины:

— Да брось ты. Не хочешь спать в штанах — не надо, дело хозяйское.

— А ты, братец, тоже спишь без них? — Сяо Хань повернул к нему лицо, словно пытался разглядеть выражение его глаз.

Вообще-то Мухань никогда не ложился спать нагишом, но, сообразив, что малец просто робеет оставаться полураздетым один, решил его поддержать:

— Ну разумеется. Я тоже ложусь в одном исподнем.

Сяо Хань радостно заерзал, но усталость и позднее время взяли своё. Не успел он открыть рот, чтобы ответить, как сладко и заразительно зевнул.

Мухань заботливо подоткнул ему одеяло под бока:

— Спи давай, глаза уже слипаются.

Мальчик нащупал его ладонь и крепко сжал своими тонкими пальцами:

— И ты ложись, братец.

— Ложусь-ложусь.

Мухань задул светильник, избавился от штанов и скользнул под тёплое одеяло. Он бережно, стараясь не задеть свежие коросты на теле названного брата, притянул Сяо Ханя к себе.

Рядом дышало живое, согревающее тепло, постель казалась мягким облаком, и сладкая дремота окутала его разум.

В эту ночь оба спали на удивление спокойно и глубоко, а их мерное, тихое дыхание постепенно слилось в один сонный ритм.

<http://bllate.org/book/18166/1751842>